

Социальный контекст генезиса и развития экологического движения в Украине

Аннотация

В статье рассматриваются особенности контекста становления экологического движения в Украине. Подчеркивается невозможность непосредственного применения методологических подходов западных социологов, поскольку они рассматривают генезис гражданского общества в терминах парадигм, разработанных для условий западных демократий. Развитие экологического движения интерпретируется в терминах мобилизации ресурсов, исходя из предположения их наличия в обществе. Для понимания генезиса экологического движения в Украине как социального феномена анализируется социально-экологическое пространство общественных движений в тоталитарном обществе. Отмечается, что отличительной особенностью экологического движения является его тесная связь с интеллектуальной средой украинского общества, а также зависимость от особой сферы научного производства — производства и распространения в обществе экологического знания. Современное развитие экологического движения в Украине характеризуется глубокой реорганизацией с целью выживания в существенно изменившихся макро- и микросоциальных условиях. Вместе с тем прослеживается ценностное смещение в сторону новой экологической парадигмы и постоянные попытки соучастия в реализации государственной экологической политики, вызванные осознанием неэффективности деятельности профильных государственных институтов.

Ключевые слова: *социальный контекст, экологическое движение, экологические неправительственные организации, экологическое сознание*

Анализируя поведение разных социальных акторов, можно утверждать, что у каждого из них есть свой контекст деятельности — в общем виде, сфера жизнедеятельности определенного социального актора, снабжающая его

ресурсами или, наоборот, требующая от него их расходования. О.Яницкий предлагает рассматривать социальный контекст как континуум ресурсов на определенной “оси доступности”. На одном ее конце расположены собственные внутренние ресурсы данного социального актора, использование которых не требует особых усилий, тогда как на другом конце — “ресурсы–условия”, которые социальный актор должен учитывать в своей деятельности, поскольку не в состоянии быстро их изменять [Яницкий, 1992: с. 41].

Вместе с тем социальный контекст образует не только совокупность ресурсов, но и другие социальные субъекты — группы, социальные движения, общественные институты, обычно имеющие собственную стратегию в отношении социальных движений, в нашем случае экологического. Упомянутые другие социальные акторы могут навязывать обществу свое понимание экологической ситуации и собственное толкование как нормативной модели, так и существующего образа экологического движения.

Особенность экологического движения по сравнению с иными социальными движениями заключается в попытках изменить парадигмальные устои общества в плане производства ключевых культурных ресурсов, а именно знаний, этических норм и т. п. Здесь актор действует одновременно в двух контекстах, используя финансовые и административные ресурсы одного для изменения другого. Сложность в том, что социальный актор вынужден дистанцироваться от контекста, на изменение которого направлены его действия, но в то же время оставаться понятным в этом контексте, находить общий язык в коммуникации [Touraine, 1988: р. 64]. В этой ситуации экологическое движение неизбежно находится и развивается одновременно в двух культурах и двух социальных средах с разными ценностно-нормативными ориентирами в отношении новой экологической парадигмы и неограниченного экономического роста. Указанный разрыв между ценностно-когнитивным контекстом и контекстом реальной социально-политической деятельности является одновременно как ресурсом постоянства, так и причиной периодических кризисов экологического движения.

Каждое социальное движение, включая экологическое, существует и развивается одновременно в трех контекстах: историческом (цивилизационном), микросоциальном и ситуационном. Если цивилизационный контекст является совокупностью базовых норм общества, регулирующих его жизнь и взаимоотношения с природой, то микросоциальный представляет собой прежде всего политический режим, в условиях которого возникает социальное движение и который детерминирует нормы экономической, социальной и культурной жизни [Яницкий, 1992: с. 43].

Действующий политический режим не только определяет взаимоотношения между государством и гражданским обществом, “коридор политических возможностей” для действий определенного социального актора, но и влияет на цивилизационный контекст путем нивелирования одних и усиленного культивирования других культурных норм. Структура политических возможностей¹ в таком “коридоре” детерминируется тремя вышеназванными контекстами. В случае социологического рассмотрения указанных возмож-

¹ Согласно одной из наиболее распространенных версий структура политических возможностей состоит из пяти основных компонентов: степень открытости / закрытости

ностей целесообразно выделять экономические, социальные и культурные возможности. Последние О.Яницкий определяет как русло “культуры”, в котором экологическое движение может действовать, не подвергая сомнению господствующие в обществе культурные коды и стандарты [Яницкий, 1998: с. 25]. Следует заметить, что в условиях переходного общества коллективные акторы, в данном случае общественные экологические организации, не только функционируют в рамках заданных контекстом возможностей, но и имеют возможность существенно расширять и модифицировать их.

От “коридора политических возможностей” действий актора зависит, будет ли его конфликт с политическим режимом институционализирован или же будет стимулировать актора к ревизии ценностно-нормативной основы режима. В последнем случае можно говорить о новом социальном движении, деятельность которого направлена на пересмотр социальной парадигмы цивилизационного контекста [Buttelfield, 1991].

Ситуационный контекст является, по сути, непосредственной социально-экономической, политической и природной средой, в которой возникают социальные движения и от ресурсов которой в значительной мере зависит их дальнейшая перспектива.

Актуальность выяснения социального контекста становления экологического движения в Украине вызвана рядом обстоятельств, и прежде всего невозможностью применения имеющихся методологических достижений западной социологии, поскольку генезис гражданского общества рассматривается в терминах парадигм, разработанных для условий западных демократий. В частности, развитие социальных движений, включая экологическое, интерпретируется в терминах мобилизации ресурсов, исходя из предпосылки их наличия в обществе.

Процесс становления гражданского общества в Украине, элементом которого является экологическое движение, происходил в качественно отличном от западного мира экономическом и социальном контексте, а именно в условиях тоталитарного общества советского образца. В таком обществе существовал тотальный контроль за общественной жизнью, но даже в тех условиях существовала определенная, минимальная, возможность для самоорганизации в виде центров интеллектуальной среды. Последние функционировали в рамках санкционированного режимом институциональных структур. Значение таких центров, по мнению западных социологов, состояло в “предварительном активизме” и “экологической плотности”, то есть концентрации единомышленников — необходимой предпосылки дальнейшей мобилизации социального движения [McAdan, 1988].

Для понимания генезиса экологического движения в Украине как социального феномена целесообразно рассмотреть социально-экологическое пространство общественных движений в тоталитарном обществе, ставшее порождающей средой. Особенностью экологического движения является его тесная связь с интеллектуальной средой украинского общества, а также

институциональной структуры; стабильность / нестабильность политической ситуации; наличие / отсутствие у данного субъекта союзников и групп поддержки; степень толерантности правящей элиты к действиям протестного характера; способность правительства к принятию решений (см.: *Tarrow S. Democracy and Disorder // Protest and Politics in Italy, 1965–1975. — Oxford: Clarendon Press, 1988*).

зависимость от особой сферы научного производства — производства и распространения в обществе экологического знания.

В случае экологического движения советского общества речь идет о четырех базовых типах таких сред: высшие учебные заведения, прежде всего биологические и естественноведческие факультеты университетов; научные институты в системе Академии наук; легитимные общественные профессиональные организации, в первую очередь — творческие союзы, такие как Союз писателей Украины; профильные научно-популярные периодические издания.

Единодушное большинство экологических неправительственных организаций (экоНПО) сформировалось в крупных городах и урбанизированных регионах Украины и стало порождением “поздней урбанизации”, в том смысле, что высокоурбанизированные анклавы являются средой возникновения альтернативной культуры и форм социальной организации. ЭкоНПО можно также назвать коллективными субъектами “рефлексивной урбанизации”, то есть субъектами, признавшими разрушительный характер механического развития украинской урбан-индустриальной системы и поэтому считающими необходимым отказаться от существующего уклада общественной жизни. С социологической точки зрения принципиально важно, что альтернативные господствующему укладу проэкологические ценности и формы коллективного поведения могут возникать не только в условиях высокомодернизированных демократических обществ, но и в упомянутых сферах, встроенных в директивную урбан-индустриальную систему.

Главной общественной природоохранной организацией Украины в советский период было Украинское общество охраны природы (УООП), созданное в 1946 году как республиканский филиал Всесоюзного общества охраны природы и как единственная официально разрешенная общественная природоохранная организация. Членами УООП в первые годы его существования были лучшие представители украинской интеллигенции, однако во времена политического застоя (1970-е годы) передовую интеллигенцию отстранили и заменили чиновниками разных министерств и ведомств (часто даже непрофильных) и отставными военнослужащими, милиционерами, партийными функционерами. УООП в то время могло скорее не выступать в роли порождающей среды для экологического движения, а играть роль отдушины для экофильной части населения, поскольку государство не разрешало общественности вмешиваться в решение сколько-нибудь важных вопросов общественной жизни. Главной формой деятельности общества была просветительская работа, иногда — борьба с браконьерством и прочими нарушениями природоохранного законодательства.

На середину 1980-х годов приходится расцвет движения “Дружин охраны природы” (ДОП), которые действовали практически на всех биологических факультетах университетов и естественнонаучных факультетах педагогических институтов. Студенческие Дружины охраны природы не только пытались стоять на защите природной окружающей среды, но и выполняли важную задачу социализации молодежи. Кураторы этих дружин обучали дружинников навыкам профессиональной работы во время рейдов, экспедиций, а также социальной технологии самоорганизационной жизни, навыкам взаимодействия с населением, административными органами власти и средствами массовой информации. В отличие от УООП, участие в

таких дружинах давало ощущение личного выбора, а участие в конфликтах с властными структурами, в основном местного значения и, бесспорно, в определенных рамках, закаливало молодежь, давало основания рассматривать природоохранные проблемы не только с узконаучных, но и с общественных позиций. Именно в этом движении начали свою деятельность многие лидеры современного экологического движения Украины.

Особо важным для развития экологического движения в посттоталитарной Украине было то, что членство в студенческих Дружинах охраны природы и приобщение к их деятельности основывались на ценностях, которые позже будут важными для неформальных лидеров экоНПО: самостоятельности как образа жизни и повседневного бытия, потребности в самореализации, связанной с желанием быть полезным и иметь поддержку со стороны себе подобных, а также ценности самосохранения, выживания человека как биологического и социального существа.

Кроме того, благодаря процессу мультипликации, созданию однотипных организаций в разных вузах страны такие дружины образовали собственную сеть, что значительно увеличило их ресурсы и общественную весомость, позволило перейти к совместным действиям, то есть создать социальное движение экологической направленности.

Заметным явлением в природоохранной активности населения в доперестроечный период была и работа в кружках с детьми школьного возраста на станциях юных натуралистов и юных туристов. В этой системе экологическое воспитание связывалось с довольно основательным образованием, а указанные станции, особенно те, в которых работали энтузиасты такого дела, совершали множество полезных реальных дел в природоохранной сфере¹.

Таким образом, к середине 1980-х годов экологическое движение в Украине представляли только УООП и ДОП, причем последние формально или неформально считались/были либо частью УООП, либо оперативными комсомольскими отрядами, либо группами общественных инспекторов рыбоохраны или общественных охотничьих инспекторов. Главным продуктом этой стадии движения “зеленых” были сами их организации, инфраструктура и лидеры. Административно-командная система разрешала деятельность организаций “зеленых”, но не рассматривала их как партнера и тем более как альтернативу политическим структурам. В этот же период создавались предпосылки для следующей стадии развития экологического движения, формировалось проэкологическое общественное мнение.

Со второй половины 1980-х до начала 1990-х годов в Украине наблюдалось бурное развитие экологического движения. Этот этап развития правомерно назвать стадией массовой мобилизации и консолидации. В большинстве городов Украины проходили экологические митинги и демонстрации протеста, поскольку митингование оказалось наиболее удобной формой

¹ В 1988 году в Украине работали 233 областные, районные и городские станции юных натуралистов, действовали свыше 32 тыс. кружков юных натуралистов, которыми было охвачено более 600 тыс. кружковцев среди учащейся молодежи. Кроме того, действовали свыше 40 тыс. отрядов голубых и зеленых патрулей и постов борьбы с эрозией почвы, более 8 тыс. ученических производственных бригад и 985 школьных лесничеств (См.: Шевчук Л. Знати, щоб берегти. Інтерв'ю з директором Республіканської станції юних натуралістів Л.Р.Мароник // Молодь України. — 1988. — 22 листопада).

для артикуляции идей. Именно митинг как форма коллективного социального действия способствовал изменениям в ситуативном контексте развития экологического движения. В период политической нестабильности и социальной разобщенности митингам был присущ заметный идентификационный потенциал, они выполняли функцию социальной интеграции. Митинг способствовал самоутверждению его участников, помогал преодолеть чувство всецелой зависимости от общественной системы советского образца и тем самым становился непосредственной предпосылкой для солидарных действий. Кроме того, митинг был средой, порождавшей харизматичных лидеров, а также публичным социальным пространством прямого диалога рядовых граждан с властью, способом прямого гражданского контроля за ее действиями.

В конце 1980-х годов экологические требования превратились в неотъемлемую часть общедемократического протеста. Массовой базой экологического движения стали общественные инициативы. Во многих областях республики возникли группы экологического движения, которые в большинстве своем концентрировались на решении актуальных экологических проблем локального уровня. Экологическое движение довольно быстро и, главное, естественно укоренилось в массовом демократическом движении, чему способствовал ряд причин.

Акции экологического протеста были, по сути, первыми акциями общедемократического протеста; экологически ориентированные общественные инициативы практиковали двойное членство: в отдельной экоНПО и в местных и региональных массовых движениях демократической направленности; в этих социальных движениях экологические активисты действовали и как эксперты, и как советники; лидеры демократического движения, осознавая высокий рейтинг “зеленых” в массовом сознании и экологическую обеспокоенность населения в первые годы после Чернобыльской катастрофы, для достижения своих политических целей с готовностью выступали под экологическими лозунгами.

Открытая борьба новообразованных экоНПО против господствующей идеологии и действующей социально-политической системы значительно стимулировала осознание широкими слоями населения важности защиты природной среды их непосредственного обитания.

В частности, население, проживавшее вблизи атомных электростанций, опасалось повторения Чернобыльской катастрофы, и возле всех украинских АЭС развернулись широкие акции протеста. Под давлением общественности республиканские власти начали пересматривать программу атомной энергетики в Украине. В результате в 1990 году прекратилось финансирование строительства атомной станции в Чигирине Черкасской области, атомных станций теплообеспечения вблизи Харькова и Одессы.

В 1988 году возникла Крымская ассоциация общественных экологических организаций “Экология и мир” как общественная рефлексия на строительство Крымской АЭС. Борьба “зеленых” Крыма при активной поддержке общественности закончилась победой — строительство АЭС на полуострове прекратилось. В ходе антиядерных акций Ассоциация собрала 350 тыс. подписей против строительства АЭС, организовала многотысячные митин-

ги и пикеты в городах Крыма и непосредственно на строительной площадке АЭС¹.

Важную роль на этом этапе развития экологического движения сыграли украинские писатели, которые после Чернобыльской катастрофы принялись активно осваивать новую сферу деятельности — экологическую публицистику. В конце 1980-х годов украинские писатели выступили с резкими обвинениями украинского истеблишмента в экологической безответственности, утаивании от населения правды о Чернобыльской катастрофе [Стегній, 2001: с. 65].

В начале января 1988 года в “Літературній Україні” было опубликовано письмо группы известных украинских ученых, выступавших против планов по расширению украинских АЭС. Это письмо прозвучало в защиту интересов украинского общества от союзной бюрократии, вызвало многочисленные читательские отклики и дало дополнительный толчок к пробуждению массового экологического сознания [Кулик, 1998: с. 66].

В этот же период в результате массовой мобилизации объединились экоНПО и местные движения, интенсифицировалось организационное объединение общеукраинского экологического движения. Начал действовать двуединый механизм формирования экологического сообщества: “концентрация — децентрализация”. Местные экологические группы способствовали формированию массового экологического движения, которое, в свою очередь, как легитимная общественная организация содействовало формированию и легитимации новых экоНПО на местах.

В конце 1987 года организационно оформляется Украинская экологическая ассоциация (УЭА) “Зелений світ”, объединявшая на то время 27 организаций. Известный украинский писатель Сергей Плачинда стал первым председателем Ассоциации, а весной 1988-го состоялась первая конференция УЭА “Зелений світ”, положившая начало разработке стратегии и тактики экологического движения в Украине. Главная цель Ассоциации, как отмечалось в Уставе, заключается в “привлечении широких слоев общественности к решению экологических проблем, воплощению идей выживания, демократии и гуманизма, содействию обеспечению гражданам УССР права на здоровую среду проживания, что является одним из неотъемлемых прав человека”².

В большинстве городов страны в то время действовали общественные инициативы или организации, деятельность которых была направлена на решение экологических проблем. Участники новообразованных экоНПО при активной поддержке местного населения пытались поднимать и решать конкретные вопросы по охране природной окружающей среды на местном уровне. Кроме сугубо природоохранных организаций в Украине в это время возникают также организации более широкой экологической направленности, которые выступали за распространение и укрепление экологической культуры, экологизацию жизнедеятельности украинского общества.

¹ См.: Кримська асоціація “Екологія і мир” // Екологічний експрес. — 1995. — № 5. — С. 9.

² Статут Української екологічної асоціації “Зелений світ” // Літературна Україна. — 1990. — 15 березня.

Как показал дальнейший ход событий, усиление внимания со стороны общественного мнения к экологической проблематике во второй половине 1980-х годов, очевидно, было не столько результатом экологизации массового сознания, сколько следствием ситуативного совпадения тогдашних социально-политических обстоятельств: рефлексии украинского общества на Чернобыльскую катастрофу; общенародной поддержки идеи национальной независимости; политической новизны идеологии “зеленых” в условиях становления многопартийной политической системы.

Попытки экологических групп из разных областей Украины скоординировать свои действия привели в октябре 1989 года к первому всеукраинскому съезду УЭА “Зелений світ”, где впервые провозглашалось намерение создать политическую партию “зеленых”. Следует отметить, что именно в Ассоциации была сформулирована и провозглашена необходимость создания широкого общественного движения Украины — Народного Руха.

В декабре 1989 года УЭА “Зелений світ” была зарегистрирована Государственным комитетом Украины по охране природы как общенациональная экологическая организация. Чтобы придать организации демократический имидж, в Уставе зафиксировали важный принцип ассоциативного построения организации — автономии местных экологических групп при наличии общего устава и программы. Большинство тогдашних экологических групп примкнули к Ассоциации, поскольку членство в ней было весьма упрощенным — достаточно было подать заявление, тогда как реальность существования и деятельности подающего заявление не проверялись.

С такими организационными подходами “Зелений світ” быстро рос, однако не отличался ни постоянством, ни эффективностью, ни даже четкой экологичностью. Экологические проблемы обсуждались в основном в духе революционного романтизма: без должного анализа принимались решительные резолюции, которые в категорической форме требовали от органов власти кардинальных и неотложных мер по улучшению ситуации с охраной природной окружающей среды. В то же время не анализировались с должным вниманием механизм реализации таких преобразований, реальность выполнения выдвинутых требований, возможность влияния Ассоциации на выполнение этих резолюций. Ошибочное понимание идеи всеобщности экологического движения, а именно отказ Ассоциации от необходимости разработки четких критериев и требований для кандидатов на вступление привел к люмпенизации организации [Стегний, 2001: с. 67].

Между тем начался процесс организационного оформления новых политических партий Украины, и значительная часть общественно активных граждан стала его социальной базой. Осенью 1990 года из ядра наиболее политизированных членов “Зеленого світу” возникла Партия зеленых Украины (ПЗУ), которую возглавил Юрий Щербак.

Имея единые цели, партия и Ассоциация продолжали функционировать параллельно, намереваясь отличаться методами и формами реализации идентичных по сути задач. Если ПЗУ предполагала в качестве своих главных задач деятельность в законодательных органах власти всех уровней, пытаясь таким образом осуществлять политический лоббизм в экологической сфере, то УЭА “Зелений світ” ставила целью решать экологические проблемы путем широкого влияния на общественное мнение, формирования экологического сознания граждан. Однако создание партии в це-

лом не синхронизировалось с достаточно четким определением принципов размежевания сфер деятельности ПЗУ и УЭА “Зелений світ”, что со временем вызвало ряд организационных проблем.

Политическая деятельность “зеленых” стала все больше отделяться от социальной и социокультурной. Возникла прямая связь коллективных действий: акция протеста — формирование локального (местного) движения — участие в предвыборной борьбе. Местные акции протеста приобрели четкий инструментальный характер (ради победы на выборах), оттеснив тем самым на второй план важнейшую — социально-идентификационную функцию движения. Фактически это означало начало разделения движения на политиков и неполитиков.

В начале 1990-х годов стали очевидными признаки кризиса экологического движения Украины. На выборах первого Президента независимой Украины попытка ПЗУ выдвинуть кандидатом от партии на пост главы государства Ю.Щербака закончилась неудачей — не удалось даже собрать 100 тыс. подписей для поддержки кандидата “зеленых”. В течение 1991–1993 годов количество членов самой партии сократилось в пять раз — с почти 10 до 2 тыс.¹

Этот провал стал также свидетельством падения интереса электората к экологическим проблемам на фоне углубляющегося экономического кризиса. В это время получают распространение процессы социально-экономической дезинтеграции, стремительной инфляции, ощущается социально-психологическая напряженность в украинском обществе. В итоге разные политические силы оперативно адаптируют свои лозунги к этим условиям и провозглашают первоочередность решения проблем первого уровня: материального благополучия, личной безопасности и здоровья, обходя вниманием экологические проблемы. Также дает о себе знать все большее разочарование населения в парламентаризме и, особенно, в депутатском корпусе демократической ориентации.

Отсутствие реальных результатов в экологической сфере породило пессимизм общественности касательно улучшения состояния природной окружающей среды, а общественную экологическую деятельность начали воспринимать как один из возможных путей латентного карьеризма и личной выгоды. В то же время экологическое движение теряет массовую поддержку в виде общественных инициатив и освещения деятельности движения в медийном пространстве Украины. Массовые печатные издания ощутили на себе давление цензуры и, поскольку “зеленые” выступали за закрытие Чернобыльской станции и других отечественных АЭС, деятельность общественных экологических организаций фактически перестали освещать на страницах периодики. В новых социально-экономических и политических условиях социальная база экологического движения Украины ощутимо политизировалась, пополнив ряды многочисленных новообразованных политических партий.

Момент для институционального укрепления экологического движения был упущен, и многие местные экологические группы разорвали кон-

¹ См.: “Зелені”: постчорнобильська хвиля. Інтерв’ю з головою ПЗУ В.Кононовим // Голос України. — 1993. — 6 лютого.

такты с УЭА “Зелений світ”, а то и вовсе самоликвидировались. В самой Ассоциации возникла внутренняя организационная напряженность вследствие возникновения двух организационных центров (в Киеве и в Донецке), что привело к расколу и, как следствие, к существенному ослаблению экологического движения в целом.

Среди других причин общего ослабления позиций “зеленых” следует также указать разную политическую направленность экологических организаций и недостаточную разработанность системы идейно-теоретических оснований экологического движения в период социальной трансформации; сложность выбора стратегических политических союзников; отсутствие общенационального авторитетного лидера; потерю главного оппонента — центральных советских структур власти; неопределенное отношение движения к государственным институтам власти уже независимой Украины; недостаток влияния движения и ПЗУ на принятие государственных решений по улучшению ситуации в экологической сфере [Васюта, 1998: с. 283, 285].

С потерей массовой базы и публичного резонанса своей деятельности усилия экологического движения все больше концентрируются на прикладных исследованиях и разработках, информационной и образовательной деятельности, что воплотилось в создании ряда новых экоНПО “проектного типа”. Если говорить об участии таких организаций в чернобыльских проектах, то международная организация “Союз Чернобыль” на базе газеты “Эхо Чернобыля” создала в 1992 году информационное агентство “Эхо-Восток”. Вследствие тогдашней неразвитости государственных служб социальной сферы эта и некоторые другие организации, связанные с чернобыльской тематикой, трансформировались в объединения для социальной защиты пострадавших и реализации гуманитарной помощи.

В начале 1990-х годов в экологическом движении возникает “новая волна” экоНПО. Этот феномен общественной жизни обусловили ухудшение экономических условий в Украине и возможность получения материальной помощи от Запада для реализации экологических проектов. Финансовая и техническая помощь стала поступать в виде грантов со стороны государственных и частных фондов. В условиях отсутствия реальной поддержки экоНПО со стороны новых властных структур указанная помощь, по сути, определяет цели и приоритеты функционирования многих организаций украинских “зеленых”.

В качестве типичного примера можно привести отделение от УЭА “Зелений світ” некоторых групп “новой волны”, которые на базе своей экологической деятельности начали профессионально заниматься предпринимательством, частично привлекая для этого средства иностранных фондов. Разумеется, контроль за их деятельностью со стороны выборных органов Ассоциации оказался совсем не нужен этим группам.

Поисковая система получения грантов стимулировала в этот период профессионализацию прежде многофункциональных экоНПО, а распределение грантов породило в них внутреннюю бюрократию. Критериями выбора профиля деятельности части таких экоНПО стали не общественная потребность и не внутренняя убежденность их лидеров, а возможность получения выгодного заказа (гранта). В итоге внутренняя и межгрупповая солидарность уступает место конкуренции за ограниченные ресурсы. Все большее значение приобретают вертикальные связи местных экоНПО с “цент-

ром”, под которым понимают донора. Вместе с тем существенно ослабляются горизонтальные связи, а также контакты с местной социальной средой. Поэтому, хотя организации “новой волны” способны действовать эффективно по конкретным вопросам или проектам, они менее полезны для построения гражданского общества в Украине¹, чем организации “зеленых”, имеющие опыт деятельности в доперестроечный период и действующие открыто и гласно.

Феноменом экологического движения в Украине в 1990-х годах стало также многообразие отношения экоНПО к общественно-политическим процессам в независимом украинском государстве. В зависимости от отношения к дихотомии “национальное государство — охрана природы” в то время выделялись по крайней мере три типа организаций: консервационисты (защитники природы); экологические патриоты; прагматики [Борейко, 1995: с. 7].

Консервационисты отдавали приоритет решению экологических проблем перед решением других тогдашних социальных вопросов независимого украинского государства, таких как энергетический кризис, создание национальной армии, укрепление государственности. Идеология экопатриотов, наоборот, основывалась на доминанте развития украинской государственности. Прагматики же проводили отстраненную политическую линию и занимали позицию, которую можно охарактеризовать скорее как ситуативное приспособление в зависимости от условий для самовыживания своей организации или личной выгоды.

Каковы же последствия такого идеологического размежевания и разнообразия социального поведения экоНПО для дальнейшего развития экологического движения Украины?

Многообразие типов экоНПО в совокупности обеспечило украинскому экологическому движению достаточную прочность благодаря внедрению различных типов в разные социальные среды, наличию доступа к различным источникам ресурсов; создало общий арсенал тактических приемов. Наряду с этим многообразие идеологий, политических ориентаций и форм социальной деятельности стало препятствием для формирования единой для всего экологического движения Украины политической стратегии.

Таким образом, усиление типологического многообразия экоНПО повысило устойчивость украинского экологического движения как отдельного социального сообщества, но вместе с тем уменьшило шансы на разработку единой политической линии в отношении к национальному государству и обществу в целом.

Особо стоит сделать ударение на весомости социальных ценностей, которые детерминируют общее направление, формируют цели экологического движения, которые, в свою очередь, определяют его стратегию, тактику и ареал деятельности. Цели и ценности постепенно формируют образ движения, необходимый для самоидентификации его участников — экологиче-

¹ В данном случае я разделяю позицию российского социолога Олега Яницкого, который трактует гражданское общество в узком смысле как некую подструктуру общества, объединяющую добровольные сообщества, группы, ассоциации и пытающуюся влиять на базовые ценности и политические цели общества, но не участвующую в принятии собственно политических решений и их реализации.

ских активистов; в итоге это детерминирует организационную структуру движения, характер деятельности его отдельных организаций и их социальных связей. Поскольку ценности, цели и коллективный имидж движения менее всего чувствительны к внешним влияниям, то, по мнению О.Яницкого, они представляют собой “генетический код” его генезиса и развития [Яницкий, 1998: с. 24].

Однако социологические исследования экологического движения в Украине фиксируют постепенное изменение этого кода в результате опосредованной социальной рефлексии и рефлексивности экологического актива (лидеров наиболее мощных экоНПО) на взаимодействие между ключевыми ценностями и целями движения, с одной стороны, и его контекстом — с другой. Как отмечает У.Бек, социальная рефлексия является коллективной рефлексией элиты в плане изменения текущей ситуации, а под рефлексивностью следует понимать реакцию собственно самого движения на результаты и последствия его собственных действий [Beck, 1994]. Таким образом, коллективная рефлексия и рефлексивность в конечном счете вытесняют прежние и формируют новые цели и ценности актора.

Нужно заметить, что социальная активность экологического движения включает рефлексию в отношении производства экологического знания. Тут О.Яницкий указывает на две стороны данной рефлексии: с одной — усвоение и социальная интерпретация собственно теоретического знания, а с другой — социальная интерпретация практического социально-экологического знания, накопленного обществом, его отдельными субъектами в их повседневном взаимодействии с физической средой существования [Яницкий, 1998: с. 25]. Что касается рефлексивности экологического движения, то здесь, соприкасаясь с политическими и социальными последствиями собственной разнообразной практики, движение должно систематически вносить соответствующие коррективы в свою стратегию и тактику; иначе его присутствие в социально-экологической сфере общества быстро станет незаметным.

Многочисленные эмпирические данные, полученные с участием автора, дают основания утверждать, что во внутригрупповых отношениях “зеленых” в 1990-х годах ясно обозначился конфликт ценностей, культур и жизненных укладов, детерминированных различной мотивацией основателей и молодых членов организаций [Стегний, 2001: с. 228–230]. Для участников экологического движения со стажем членство в экоНПО давало возможность реализовать свои потенциальные возможности как специалиста и как гражданина, не затребованные государственными и квазиобщественными организациями доперестроечного периода. В то же время значительная часть молодых членов организаций рассматривали свое пребывание в экоНПО как весьма кратковременный промежуточный этап в своей карьере.

В условиях посттоталитарного общества экологическая обеспокоенность населения и его значительная локальная концентрация в месте возникновения экологической опасности имеют позитивное, однако не решающее значение для возникновения экологического движения. Поскольку господствующим советским режимом была прервана преемственность с движениями прежних времен, а защита природы оставалась за рамками публичного дискурса, это движение могло возникать лишь при наличии соответствующей среды, которая систематически порождает группы активистов. В такой среде активисты получают опыт организационной работы, при-

обретают необходимые экологические знания и практические навыки природоохранной деятельности. Как отмечает О.Яницкий, “эта среда выполняет роль ретранслятора социальной памяти, и, в частности, экологической обеспокоенности аналогичных движений прошлого” [Яницкий, 1998: с. 24].

В анализе современного состояния экологического движения в Украине я рассматриваю экоНПО как сетевой социальный субъект — размещенный в определенном пространстве актор, составные части которого интегрируются и воссоздаются путем использования коммуникационных и прочих сетевых ресурсов. С этой точки зрения, все указанные проблемы можно классифицировать как касающиеся организационно-ресурсных возможностей экоНПО и социетального контекста их деятельности в современном украинском обществе. О чем говорит качественное состояние экоНПО как одного из социальных акторов процесса институционализации экологических интересов в обществе социогенных рисков?

Недостаточные организационно-ресурсные возможности, а в случае наличия нередко малоэффективное использование их, а также ограниченные креативные возможности значительной части украинских экоНПО мешают им эффективно выполнять возложенную на них в посттоталитарном обществе роль основного носителя экологических интересов общества. Как следствие, с одной стороны, низкая осведомленность рядовых граждан о позитивном опыте деятельности экоНПО, а с другой — отсутствие имиджа профессионального (а значит, уважаемого) партнера в решении всего комплекса экологических проблем в глазах государственных властных структур.

Можно ли улучшить ситуацию, и если да, то как? По моему мнению, принципиально возможно и даже необходимо для развития гражданского общества в Украине, улучшения качественного состояния креативных ресурсов экоНПО, координации их деятельности и прекращения поиска единого и неоспоримого “флагмана” экологического движения. Ситуация в международном экологическом движении, в целом повышение роли неправительственных организаций объективно стимулирует украинских “зеленых” развивать собственную фандрайзинговую активность.

При этом на национальном уровне остается крайне актуальным вопрос о координации деятельности экоНПО с учетом корпоративных интересов как столичных, так и региональных организаций. Такая координация должна базироваться на принципах соучастия, а не представительства. Данная форма взаимодействия с необходимостью ставит вопрос о взаимоуважении даже в тех случаях, когда отдельные экологические лидеры не находят общего языка в отношении выбранной формы и собственно содержания запланированной совместной акции. Опрос активистов из числа “зеленых” в начале 2000-х годов показал, что они поддерживали в первую очередь такую форму, как проведение регулярных собраний (форумов) неправительственных экологических организаций, и, в меньшей мере, создание региональных координационных центров или единого национального координационного центра [Стегній, 2002: с. 300].

И действительно, в течение первой половины 2000-х ежегодно проводились всеукраинские конференции экологической общественности. В 2004 году состоялась пятая из них под названием “Трансграничное сотрудничество в решении экологических проблем”, ставшая последней, проведенной в

формате автономного мероприятия “зеленых”¹ и отдельного информационного события.

В октябре 2010 года состоялась VI Всеукраинская конференция общественных природоохранных организаций “Участие общественности в формировании и реализации Стратегии национальной экологической политики и Национального плана действий по охране окружающей среды”. Кроме редакции в самом названии конференции (замены экологической общественности на общественные природоохранные организации) эта конференция не имела статуса автономного мероприятия “зеленых”, поскольку состоялась в рамках более масштабного мероприятия — Международного экологического форума “Окружающая среда-2010”. Следует также указать, что этот форум был прежде всего государственным мероприятием, к организации которого приобщилось правительство, отдельные министерства, государственные экологические учреждения. Сама же конференция “зеленых” в новом формате состоялась благодаря организационным усилиям прежде всего ВЭЛ.

Длительный пятилетний перерыв в проведении всеукраинских конференций “зеленых” и изменение формата в их проведении можно объяснить рядом причин, среди которых самой главной является малоэффективность подобных конференций на фоне отсутствия объединительной экологической идеи, что, в свою очередь, связано с различными приоритетами деятельности организаций “зеленых”. Здесь можно выделить такие весьма разноплановые направления, как: экологическое образование; охрана живой природы (сохранение биоразнообразия); содействие евроинтеграции Украины; узкоотраслевые экологические проекты; участие в разработке экологической политики; защита экологических прав². Сказался также различный качественный уровень экоНПО, в частности, качество менеджмента внутри организаций, уровень профессиональных знаний в соответствующей отрасли, опыт и умения межсекторального сотрудничества, особенно с государственными профильными организациями и органами власти.

В таких условиях оптимальной формой коммуникации “зеленых” может стать объединение экоНПО по отдельным родственным направлениям деятельности, а также ситуативное объединение усилий для выполнения конкретных и краткосрочных задач³.

1 Следует заметить, что профильное министерство Украины оказывало посильную финансовую поддержку в проведении таких конференций, но по форме проведения, содержанию выступлений и дискуссий это были мероприятия прежде всего экологической общественности.

2 По результатам анкетирования общественных экологических организаций, проведенного в 2012 году в рамках проекта “Дополнительная поддержка Министерства экологии и природных ресурсов Украины во внедрении секторальной бюджетной политики” (см.: Электронный ресурс. <http://www.sbs-envir.org/index.php/ua/eco-ngo-irectory>. Дата доступа 12.03.2015).

3 Одним из примеров такого ситуативного взаимодействия стали совместные акции (сбор подписей, открытое письмо и пикетирование Администрации Президента Украины) в январе 2011 года против принятия новой редакции Закона Украины “О регулировании градостроительной деятельности”. “Зеленые” выступили против сужения прав граждан в возможности участия в обсуждении при планировании и застройке территории и фактической отмены обязательной государственной экологической экспертизы в градостроительной деятельности.

Можно согласиться, что идея выбора между группами гражданского общества и политическими партиями ошибочна, поскольку это создает опасность подрыва представительской демократии и потери реальных средств политического влияния, свойственного гражданскому обществу. Они должны быть союзниками.

Большинство партий “зеленых” проповедуют свой идеал общественного строя, который состоит в настоящем суверенитете народа; такой строй должен отличаться широким развитием местного и производственного самоуправления, децентрализованностью всех общественных сфер жизни, прозрачностью социальных структур и их отношений; созданием естественных и гармоничных связей человека и природы. Однако новейший период истории “зеленых” Украины ознаменовался фактическим разрывом с политическими партиями под экологическими вывесками.

На начальном этапе развития многопартийной политической системы в Украине декларирование необходимости решения настоятельных экологических проблем на какое-то время идейно объединило достаточно разные политические силы, признававшие важность экологических задач в иерархии общественных ценностей. То есть экологическое движение может объединять людей разных политических взглядов. Будучи направленной на решение общечеловеческих проблем, “зеленая” идеология консолидирует людей на основе универсальных морально-этических мировоззренческих принципов.

Принадлежность экоНПО к разновидности организаций третьего сектора общества означает, что они, в отличие от принадлежащих к первым двум секторам, не претендуют на участие в репрезентации власти. Однако организации “зеленых” в совокупности образуют экологическое движение, являющееся субъектом политической жизни. Кроме того, активисты из числа “зеленых” имеют право быть одновременно и членами определенной экоНПО, и членами политической партии. Другое дело, что подобного рода “мимикрия” не должна подменять экологическую активность сугубо политической.

На парламентских выборах 1998 года ПЗУ в первый и в последний раз вошла в высший законодательный орган Украины и получила 19 мандатов. Этот “прорыв” в Верховную Раду можно объяснить прежде всего эффективной избирательной технологией (“адресная” работа с молодежью, проведение многочисленных “продвинутых” мероприятий, в частности рок-концертов) и значительными финансовыми инъекциями. В пользу ПЗУ сыграла также объективно актуальная для украинского общества проблема защиты экологической безопасности повседневной жизни граждан Украины. Но эксплуатация экологической тематики без адекватных практических действий в деле экологизации жизнедеятельности, без налаживания активных отношений сотрудничества с экологическим сообществом страны, прежде всего с наиболее мощными сетями экологических неправительственных организаций, объективно запрограммировала неудачу ПЗУ на следующих парламентских выборах 2002 года.

В период существования парламентской фракции ПЗУ выяснилось, что понимание политической роли экологического движения со стороны лидеров наиболее мощных экоНПО, которые вошли во властные структуры, и его рядовых членов весьма разнится. Если первые рассматривали движение

как инструмент реализации и контроля за выполнением государственных решений, как инструмент общественного надзора за соблюдением природоохранного законодательства, то вторые требовали от представителей “зеленых” в Верховной Раде и местных советах срочной помощи в решении актуальных экологических проблем, а также эффективных действий по ликвидации конкретных очагов экологической опасности.

На социетальный контекст дальнейшей деятельности “зеленых” Украины негативно повлияло “клонирование” с участием руководства ПЗУ партий экологической направленности, пик которого приходится на 2000 год. Согласно “Пояснению к письму Министерству юстиции Украине” от 15 июня 2000 года все четыре новообразованные экологические партии относились к узкому кругу функционеров ПЗУ. Весной 2001 года на политической карте Украины появилась еще одна партия экологического направления — Экологическая партия Украины “Защита”. В целом же в начале 2002 года в Украине официально было зарегистрировано семь политических партий экологического направления, пять из которых были связаны с деятельностью ПЗУ, а две находились в оппозиции к ней.

Несмотря на многочисленность политических партий с экологическими вывесками, ни одна из них, включая ПЗУ, не предложила украинским экоНПО реальной программы для сотрудничества. Такая ошибочная позиция этих партий относительно экологического движения объясняется прежде всего непониманием весомости экологического капитала общественно-го движения. Под этой разновидностью социального капитала понимают совокупность знаний, навыков и социальных практик, которые вырабатываются и воспроизводятся в социальных сетях. Это производство направлено на экологизацию общества, его экономики, политики и культуры. Экологический капитал является одновременно ресурсом “зеленых” и общества в целом [Яницкий, 2009: с. 6].

В итоге экологическое движение в Украине в новейшее время стало единственным проводником альтернативной экологической политики, под которой понимается деятельность экоНПО, направленная на осуществление проэкологических социальных изменений в украинском обществе¹. Инфраструктуру этой политики в целом представляет совокупность упомянутых организаций, их связей и таких факторов социальной среды, как общественное мнение, и некоторых других элементов конституирования.

Если говорить в целом о сфере экологической политики, то здесь украинские “зеленые” пытаются более активно вмешиваться в развитие экологического законодательства, регуляторных норм допустимости экологиче-

¹ Фактологическим подтверждением данного вывода является одобренный Национальным экологическим советом Украины, который объединяет всеукраинские природоохранные организации, в ноябре 2014 года Проект реформирования природоохранной отрасли Украины с целью создания интегрированной системы управления природными ресурсами в соответствии с требованиями Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС. Кроме того, указанный Совет в марте 2015 года распространил Открытое обращение к Президенту Украины с предложением публичного обсуждения кандидатур на должность Министра экологии и природных ресурсов, чтобы покончить с шаткой практикой назначения непрофессионалов.

ского загрязнения; в предоставлении разрешений; в местное и региональное планирование; в применение правовых регламентаций этих документов¹.

Вместе с тем следует признать, что в целом сотрудничество украинских зеленых с государственными структурами развивается продуктивнее всего на областном и местном уровнях. При этом большинство представителей экологического движения в разной степени не удовлетворены тем, какое место занимают неправительственные экологические организации в проведении экологической политики Украины. Такой результат является производным как оценки собственных усилий экологического движения, так и отношения к нему со стороны государственных органов. Последнее предположение подтверждают данные опросов активистов из числа “зеленых” [Стегний, 2002: с. 357–358].

Среди представителей экологического сообщества Украины весьма распространено мнение, что главной проблемой на пути взаимоотношений “зеленых” с государством является пренебрежительное отношение центральных государственных органов к неправительственным экологическим организациям, а также негативное отношение со стороны местных государственных структур в отдельных регионах. При этом большинство активистов склонны считать, что ответственность за состояние окружающей природной среды в Украине несут прежде всего государственные исполнительные органы власти.

Проведенные с участием автора включенные наблюдения дают основания говорить, что между представителями государственных органов и активом эоНПО отсутствует прямая коммуникация, тогда как имеет место информационное влияние². Если понятие коммуникации предполагает осуществление “субъект-субъектных” отношений, которые реализуются во взаимовыгодном, основывающемся на обратной связи диалоговом режиме, то информационное влияние означает установление однонаправленных связей, обуславливающих эффект внушения. Диалог трактуется в этом случае как режим или условие коммуникации, связанное с направленностью и порядком коммуникативно-познавательных действий, обусловленных требованиями определенной проблемной социально значимой ситуации.

1 Наиболее резонансным примером активного участия в экологической политике стало широкое общественное обсуждение Национального плана действий по гигиене окружающей среды благодаря активным действиям групп украинских эоНПО, прежде всего сетей организаций “МАМА-86” и “ЭкоПраво”. Впервые в Украине была оперативно создана ситуативная коалиция эоНПО для реализации конкретной задачи. Процесс общественных консультаций успешно доказал официальным лицам, ответственным за разработку экологической политики, что неправительственные организации способны внести высокопрофессиональный вклад в подготовку такого документа (см.: *Тимченко О.І., Сердюк А.М., Турос О.І.* Гігієна довкілля: політика, практика, перспективи. — К., 2000. — С. 17–24).

2 Типичным примером могут служить семинары с участием представителей государственных органов управления и эоНПО в рамках Программы ENPI-FLEG “Совершенствование систем правоприменения и управления в лесном секторе стран восточного направления Европейской политики добрососедства и России”, проводившиеся в течение 2009–2010 годов Представительством Всемирного банка в Украине. Автор оказался непосредственным свидетелем отсутствия сбалансированной коммуникации, а порой и открытого противостояния между названными группами участников семинаров.

Именно такого рода режим отличает коммуникативные процессы от процессов информационного характера, в рамках которых отправитель и получатель информации при любых обстоятельствах остаются на разных полюсах информационного канала.

В условиях информационного влияния представители государственных структур, с одной стороны, и актив экоНПО — с другой, не пытаются понять проблемную ситуацию партнера, что является необходимым условием адекватной интерпретации его коммуникативной интенции. Следовательно, главным коммуникационным пространством украинских “зеленых” в новейшее время остаются связи экоНПО с другими родственными организациями. Сейчас коммуникационное пространство украинских “зеленых” формируют электронные информационные сети внутри национальных зонтичных организаций (а именно, ВЭО “МАМА-86”, ВЭЛ, Национальный экологический центр); сайты наиболее технически “продвинутых” и/или финансово мощных экоНПО. Этот канал коммуникации определенным образом пересекается с первым, но в этом случае информация не только распространяется в рамках организации, но и является открытой для широкой общественности; общенациональные электронные рассылки, являющиеся наиболее эффективными в случае оперативного информирования и соответствующего реагирования на конкретные случаи антиэкологических действий (здесь можно назвать рассылки “ЭкоУкр” с целевой группой неправительственных экологических организаций или “ЭкоСМИ”, рассчитанные на экологов и журналистов); общеэкологические и профильные Интернет-ресурсы как коммуникационные платформы для постоянного мониторинга событий, касающихся экологической сферы, и открытой коммуникации по экологической проблематике (например, общеэкологические ресурсы “Природа в Украине”, “Украинский экологический портал” и такие специализированные ресурсы, как “Украинский лесовод”, “Друзья леса” и т.п.); индивидуальные блоги отдельных “зеленых”. Информационное пространство экологического движения поддерживают также некоторые организации, основная деятельность которых как раз и заключается в распространении экологической информации.

Разумеется, мощности социального влияния и соответствующего резонанса акций “зеленых” не в последнюю очередь зависят от поддержки экологических идей и ценностей со стороны широких слоев населения, то есть процесса экологизации повседневной жизни наших граждан. Но, по признанию самих представителей экоНПО, современное экологическое движение пока не получило в Украине общественной поддержки, адекватной остроте проблемы экологической безопасности условий жизни. В чем же причины отсутствия активного вовлечения населения страны в экологические акции “зеленых”?

Активисты из числа “зеленых” выделяют три главных препятствия: общий низкий уровень экологического массового сознания, давление проблем материального статуса на жизнь многих трудоспособных слоев населения и недостатки системы информирования общественности по актуальным экологическим проблемам. Не трудно заметить, что проблема низкого экологического сознания и культуры рядовых украинцев в значительной мере определяется экономическими трудностями периода транзита и недостаточной информированностью населения о существующих экологических рисках.

Наиболее распространенными среди экологического актива способами привлечения общественности к решению всего комплекса экологических проблем признаются повышение эффективности системы экологического информирования населения, экологизация всей системы образования — от дошкольных учреждений до высшей школы, экологизация государственной экономической политики, а также улучшение общей социально-экономической ситуации в стране. Многие представители эконоНПО считают также необходимым ужесточение санкций против нарушителей экологического законодательства. Последнее заслуживает особого внимания, поскольку среди представителей экологического сообщества довольно распространено мнение об ответственности каждого гражданина Украины за экологическую ситуацию в нашей стране.

* * *

Проведенное исследование подтверждает существование синкретического влияния социальной среды на генезис и развитие экологического движения в Украине. Доминирование в украинском обществе определенных мировоззренческих ориентаций, состояние общественного мнения, тип политической культуры представляют собой разновидности контекста социальной среды. Таким образом, развитие экологического движения является совокупным результатом взаимодействия его отдельных групп и отдельных контекстов и общего средового влияния контекста. Вместе с тем нужно признать стратегически ключевую роль для развития экологического движения цивилизационного контекста, соотношения господствующих парадигм общественного развития по линии “экономизм — экологизм”.

Главным маркером внутренней динамики развития экологического движения стало постепенное смещение природоохранной деятельности в сторону собственно экологической активности, обусловленной обеспокоенностью состоянием не только природной, но и социальной среды проживания. При этом политизация экологического движения не сводится к борьбе за власть, а состоит в основном в выборе разных стратегий охраны и улучшения среды проживания.

Динамика экологического движения в Украине определяется также диалогом и борьбой отдельных экологических организаций и групп, входящих в его состав. В последнее десятилетие довольно четко прослеживаются две тенденции: ценностная — смещение в сторону новой экологической парадигмы и политическая — усиление конфронтации с политическим режимом. Отмеченные сдвиги — это результат осознания фактически антиэкологических позиций большинства действующих политических партий парламентского типа и глобализации экологических опасностей, налаживания связей национального экологического движения с международными экологическими сетями. Современный этап экологического движения в Украине можно охарактеризовать не как кризисный, а скорее как глубокую реорганизацию с целью выживания в существенно изменившейся макросоциальной и локальной ситуации.

Важно отдельно подчеркнуть, что экологическое движение является одним из важных агентов формирования гражданского общества в Украине. Экологические инициативные группы возникли во времена тоталитаризма советского образца и уже в доперестроечный период демонстрирова-

ли образцы самообразующихся и самооблизованных ситуативных объединений. Посттоталитарные условия существенно расширили “коридор возможностей” для развития деятельности указанных инициатив, поскольку активисты экологического движения, выступая в защиту физической среды проживания людей, стали также выразителями интересов широких слоев населения. В современных условиях, несмотря на текущие противоречия и трудности внутренней коммуникации между экологическими организациями, в самом экологическом движении продолжает формироваться сеть независимых субъектов гражданского общества. Эта сеть создает внутреннее институциональное пространство социальной активности, необходимой для признания экологического движения субъектом экологической политики.

Источники

- Борейко В.Е.* “Зелёные” Украины: мрачные перспективы / В.Е. Борейко, О.Г. Листопад // Евразия. — 1995. — № 1. — С. 8–10.
- Васюта О.А.* Экологія і політика. Т. 1 / Васюта О.А., Васюта С.І, Філіпчук Г.Г. — Чернівці : Зелена Буковина, 1998.
- Кулик В.* Письменницьке відродження: українська державна ідея в дискурсі “опозиції всередині режиму” перших років перебудови / В. Кулик // Сучасність. — 1998. — № 1. — С. 54–79.
- Стегний О.* Екологічний рух в Україні як об’єкт соціологічного аналізу / О. Стегний. — К. : Вид. дім “КМ Академія”, 2001.
- Стегний О.* Інституціоналізація екологічних інтересів у суспільстві соціогенних ризиків / О. Стегний. — К., 2002.
- Яницкий О.Н.* Социальный капитал российского экологического движения / О.Н. Яницкий // Социологический журнал. — 2009. — № 4. — С. 5–21.
- Яницкий О.Н.* Экологическое движение в “переходном” обществе / О.Н. Яницкий // Социологические исследования. — 1998. — № 10. — С. 22–33.
- Яницкий О.Н.* Экологическое движение и контекст: становление гражданского общества в посттоталитарной среде / О.Н. Яницкий // Социологические исследования. — 1992. — № 12. — С. 40–51.
- Beck U.* The Reinvention of Politics: Towards a Theory of Reflexive Modernization / U. Beck, A. Giddens, S. Lash // Reflexive Modernization, Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. — Stanford : Stanford University Press, 1994. — P. 1–55.
- Buttelfield J.* Unofficial social Groups and regime response in the Soviet Union / J. Buttelfield, M. Weigle // Perestroika from below: Social movements in the Soviet Union. — Oxford : Westview Press, 1991. — P. 175–195.
- McAdan D.* Social Movement / D. McAdan, J. McCarthy, M. Zald // Handbook of Sociology / Ed. by N.J. Smelser. — Newbury Park : Sage Publications, 1988. — P. 695–737.
- Touraine A.* Return of the actor. Social theory in postindustrial society / A. Touraine. — Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 1988.